

И.Н. ТАРТАКОВСКАЯ¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1.

ДОВЕРИЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ: В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ

Аннотация. В статье рассматривается влияние ситуации пандемии нового коронавируса на межличностные отношения доверия и доверие к государственным институтам и официальным источникам информации. В качестве эмпирической базы исследования выступают «дневники профессионалов» — 34 дневника, которые с 25 марта по 10 июня 2020 г. (первая волна) и с 20 по 30 сентября 2020 г. (вторая волна) вели эксперты в социальных науках — социологи, философы, филологи, антропологи, политологи, историки, востоковеды. Таким образом, была собрана коллекция насыщенных текстов, представляющих собой по жанру нечто среднее между личным дневником и исследовательской рефлексивной автоэтнографией. На основании обзора научной дискуссии по проблеме доверия делается существенный для данного исследования вывод о противоречиях между собственно доверием (trust), подразумевающим возможность выбора и относящимся преимущественно к межличностным отношениям, и доверием к социальным институтам и государственным инстанциям (confidence), подразумевающим гораздо меньшую агентность со стороны субъекта доверия. Делается вывод, что эпидемия чрезвычайно обострила проблему дефицита доверия, отмечаемую в условиях распространения постправды и фейк-ньюс на глобальном уровне, но особенно заметную в России, где этот дефицит значительно подрывает самую возможность базовой солидарности. Авторы дневников как исследователи отмечают, что в окружающем их социальном мире преобладают «комфортные» формы доверия, которые создают некоторую иллюзию защищенности. Люди склонны доверять тому и тем, кто помогает поддерживать их идентичность и избавляет от страха, а также своим привычным «проверенным» источникам. Но многие из них сомневаются в надежности этих «подпорок» доверия в новой непредсказуемой ситуации.

Ключевые слова: доверие; пандемия; уверенность; ответственность; дневники; солидарность; риски; онтологическая безопасность.

Для цитирования: Тартаковская И.Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 68–89. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087

Введение

Доверие — одна из базовых характеристик социального взаимодействия и одно из условий, необходимых для существования эффективных социальных отношений практически на всех уровнях — между

индивидами, социальными институтами, политическими акторами, медиа и их аудиторией и даже между человеком и искусственным интеллектом. Оно также самым существенным образом влияет на характер социальных эмоций, связанных с самыми различными практиками — как обычными повседневными, так и формирующимися в ситуации кризиса. Пандемия нового коронавируса остро поставила вопрос о том, как возникает (не)доверие к различным социальным агентам. Задача данной статьи — рассмотреть, насколько наличие или отсутствие доверия к различным, индивидуальным и коллективным, партнерам по взаимодействию и источникам информации влияет на поведение людей, на их личные стратегии совладания с эпидемией, на выстраивание отношений с социальными институтами в этой новой ситуации. В качестве эмпирической базы для исследования выступает совокупность открытых для целей исследовательского анализа личных дневников группы академических работников, фиксирующих в них происходящие во время карантина события, а также свои эмоции и рефлексии по их поводу.

Несмотря на то что глобальный кризис, вызванный пандемией, породил значительный поток социологических исследований, фиксирующих и анализирующих происходящие события в реальном времени, тема доверия в контексте эпидемии пока что привлекла на удивление мало внимания социальных ученых. Мне удалось обнаружить всего три зарубежных статьи, где рассматривается влияние эпидемии на отношения доверия, — они посвящены доверию граждан к государственным и другим социальным институтам и написаны на материалах количественных опросов, проведенных в Нидерландах [34], Корею [21] и Швеции [15], и один аналогичный по задачам обзор исследования, выполненный в России [8]. Безусловно, опросы граждан, измеряющие тренды изменения доверия к различным инстанциям в ситуации эпидемического кризиса, представляют собой интересный материал для исследовательских наблюдений, однако тема доверия между разными индивидуальными и коллективными акторами является достаточно сложной и многоаспектной, чтобы ее можно было изучить путем простого анкетного опроса. Для того чтобы увидеть механизмы, формирующие, изменяющие и разрушающие доверие в новой социальной ситуации, необходимы более глубокие исследования, позволяющие хотя бы частично понять логику их действия. Изучение личных дневников является одним из способов приблизиться к пониманию этой важной темы.

Научная дискуссия.

Специфика понятия «доверие» и обзор научной дискуссии

Понятие «доверие» ввиду его важности находится в центре множества социальных исследований, существующих в профессиональном

поле не только социологии, но и психологии, антропологии, теории менеджмента и многих других смежных дисциплин. Причем можно заметить, что интерес к нему за последние десятилетия только увеличивается — если в 1960–70-е гг. проблема доверия интересовала преимущественно социальных психологов, изучающих межличностные отношения (напр., [32]), и исследователей управленческих процессов [40], то начиная с 1980-х эта тема оказалась в фокусе внимания социологов, посвятивших ей целый ряд ключевых научных работ [12; 16; 27; 37; 28]. Это нарастание интереса неслучайно: как справедливо заметил Луман, одна из функций доверия состоит в том, чтобы уменьшать сложность индивидуальной навигации в социальном мире [22, р. 71], в то время как в реальности эта сложность постоянно возрастает. Сама ситуация позднего модерна, особенно в условиях неолиберального социально-экономического режима, порождает острую необходимость в доверии для поддержания основ социального порядка [11]. Исследователи доверия указывают на то, что «новый дух капитализма», подразумевающий уменьшение роли социальных институтов и усиливающий индивидуальную ответственность за принятые решения, делает доверие все более важным инструментом, позволяющим индивидам принимать рациональные решения и взаимодействовать между собой [25].

Уже несколько десятилетий назад многие исследователи указывали на наличие огромного числа определений доверия, иногда пересекающихся, а иногда противоречащих друг другу (напр., [35; 38]), к настоящему времени число таких определений только увеличилось [33; 39], а влиятельный исследователь феномена доверия Диего Гамбетта и вовсе предположил, что это понятие слишком иллюзорное и оттого плохо поддается определению [17]. Такая ситуация отчасти связана с междисциплинарным характером исследований доверия, отчасти с очень широким семантическим смыслом самого понятия. Обзор дискуссии о разных способах определения и понимания доверия не входит в задачи этой статьи, тем более что, как справедливо отметили МакНайт и Черваный [26, р. 827], на практике каждый эмпирический исследователь выбирает определение, наиболее соответствующее его задачам, либо концептуализирует свое собственное. Следуя этой логике, я выбрала в качестве рамки для своего анализа структурно-когнитивную модель доверия, предложенную Б. Роббинсом: доверие подразумевает убеждение (beliefs) в том, что некто обладает достаточной надежностью (trustworthiness) в конкретном отношении в ситуации с неизвестным исходом [31, р. 976]. Это очень простое операционное определение, применимое ко многим разновидностям доверия и позволяющее объединить его различные атрибутивные свойства, которые перечисляют в своей концептуальной статье МакНайт и Черваный, — ожидание от объекта доверия компетентности, предсказуемости, моральной добросовестности,

открытости и наличия разделяемых с субъектом доверия ценностей [26, р. 829]. Доверие предполагает также, что объект доверия обладает определенными характеристиками и компетенциями, которые позволяют опознать и определить его в качестве такового, а также мотивацией вести себя так, чтобы возлагаемое на него доверие было оправдано [13], соответственно, важным аспектом доверия является предсказуемость. Анализ нашего эмпирического материала при этом показал, что эти характеристики доверия в реальности складываются в сложные, нередко противоречивые конфигурации — объекты доверия, обладающие претензией на компетентность, нередко подзреваются в политической ангажированности или недостаточной добросовестности, а ценностно близкие и открытые — в недостаточной надежности и компетентности (я подробнее остановлюсь на этом парадоксе в эмпирической части статьи).

Представление о «ситуации с неизвестным исходом» прекрасно описывает обстоятельства, в которых оказались участники исследования весной 2020 г. Высокая неопределенность была связана не только с риском болезни, степень опасности которой было трудно оценить, а лечения от которой вовсе не существовало, но и со стремительно меняющимися режимами функционирования самых разных социальных институтов — медицинских, регуляторных, государственных, образовательных и т. п. Эта ситуация одновременно и увеличивала потребность в доверии к привычному окружению, и значительно его проблематизировала. Для особенностей ситуации, описываемой в статье, важно еще то обстоятельство, что доверие, в принципе, устанавливается в обстановке, не предполагающей контроль или возможность применить власть по отношению к партнерам по взаимодействию [30]. Но в ситуации кризиса это отсутствие возможности контролировать не только своих близких и тем более общественные институты, но и собственные обстоятельства, оказалось достаточно болезненным, и многие участники-исследователи испытывали стресс именно из-за того, что не могут «починить» свою уязвимость перед лицом эпидемии за счет доверия каким-то надежным акторам, которые могли бы взять на себя ответственность за происходящее. Вообще, для анализа отношений (не)доверия чрезвычайно важно оказалось фиксирование и описание эмоций, поскольку сама идея доверия предполагает не точное знание о том, как поведет себя тот или иной актер, но чувства и убеждения, надежду на то, что его поведение будет ответственным и подобающим [35].

В этой связи важно подчеркнуть, что любая академическая дискуссия о доверии подразумевает, что оно не является само собой разумеющейся особенностью социальных интеракций: как совершенно справедливо отмечал Грановеттер, хотя доверие — важный аспект взаимодействия и на межличностном, и на институциональном уров-

не, конкретный опыт такого взаимодействия может давать почву как для доверия, так и для недоверия [19]. Проблема негативной стороны доверия — когда оно оказывается нарушенным или хотя бы просто недостаточным, и неуверенности в том, кому хотелось бы доверять, как постоянного источника напряжения в гораздо меньшей степени представлена в научной литературе.

Эмпирических исследований доверия в России или на российском материале мне удалось обнаружить относительно немного. Значительную их часть составляют количественные исследования, в которых выяснялся вопрос о доверии граждан различным политическим и идеологическим институтам. Среди них наиболее масштабными являются опросы World Values Survey, ЕвроБарометра и других полстеров, результаты которых часто публикуются в прессе и научно-популярных изданиях (см., напр., [1; 3]). Относительно реже внимание исследователей привлекали отношения (не)доверия в отдельных социальных сферах — в экономике [5] или применительно к институтам гражданского общества [4]. Однако в большинстве случаев в этих работах речь идет именно об специфической форме доверия, отличающейся по своей природе от отношений доверия между отдельными личностями, — феномене, который Гидденс называет «доверием абстрактным системам» [18, р. 83–88], а Луман — «системным доверием» [22, р. 22, 88–89]. Эту разновидность доверия можно даже по ряду предложенных Луманом критериев считать скорее не «доверием», а «уверенностью», поскольку доверие предполагает значительно бóльшую степень агентности — доверяющий человек подвергает себя гипотетическим рискам, выбирая одну из нескольких возможностей, одного из нескольких возможных партнеров, его доверие носит стратегический характер. Однако доверие, например, государственным институтам — президенту, губернатору или Роспотребнадзору — оставляет мало пространства для выбора, индивидуум может лишь просто доверять им либо нет. Если его доверие не оправдается, он столкнется, в понимании Лумана, уже не просто с рисками, но с опасностью, потому что он лишен возможности как-либо контролировать действия инстанции, которой он (не)доверяет. «Если у вас нет альтернатив, вы находитесь в ситуации уверенности. Если вы выбираете одно действие, предпочитая его другим, вопреки возможности быть разочарованным в действиях других, вы определяете ситуацию как ситуацию доверия» [22, р. 99].

Напряжение между этими двумя видами доверия (или (не)доверием и (не)уверенностью) является очень важным феноменом для данного исследования. Луман указывает, что недостаток уверенности естественным образом приводит к возрастанию чувства отчужденности и «уединению индивида в малых кругах», а если присутствует еще и дефицит доверия, то он может «просто лишит индивида способ-

ности действовать» [23, р. 104]. Безусловно, оно существовало и до пандемии — как справедливо заметила А. Алексеева, нечто похожее давно наблюдается в России, где отсутствие уверенности в стабильности и безопасности общества выражается в ограничении круга доверия близкими родственниками и друзьями, а отсутствие уверенности в эффективности и надежности отечественной медицины в целом не означает, что индивид не может оказывать доверия какому-то конкретному врачу [2, с. 30]. Однако в ситуации новых, выходящих за пределы привычного опыта вызовов «социальный паралич», о котором предупреждал Луман, становится распространенной моделью поведения [9]. Иногда же дефицит уверенности приводит к поистине парадоксальным действиям: например, как сообщила корреспондент издания “Meduza” Светлана Рейтер, в начале кампании по вакцинации запись желающих привиться российской вакциной «Спутник V» в платной поликлинике за 1850 рублей была гораздо более плотной, чем в государственных поликлиниках, где та же самая вакцина вводилась бесплатно и практически всем желающим, — «может, просто не все доверяют бесплатной медицине», — предположили в регистратуре [7].

Доверие предполагает также готовность к взаимодействию и даже зависимости от других акторов или институтов — впрочем, по мнению сторонников диспозиционного подхода, такая готовность может существовать как отдельная установка личности, выработанная в результате воспитания, и не обязательно предполагает доверие к тем инстанциям, от действий которых приходится зависеть, — как сформулировал это Майер с соавторами, если человек тонет, он надеется на помощь даже совершенно незнакомых людей, если сохранил общую веру в Человечество [24, р. 711]. Таким образом, доверие предполагает снижение опасности в ситуации уязвимости. Отношение большинства авторов дневников к «внешним» акторам, выходящим за пределы их обычных кругов доверия, можно описать с помощью примерно такой же метафоры, с поправкой на то, что они скорее слабо надеются на эту помощь, чем уверенно ее ожидают, и их чувство уязвимости остается ничем не скомпенсированным.

Представление о «ситуации с неизвестным исходом» прекрасно описывает обстоятельства, в которых оказались участники исследования весной 2020 г. Высокая неопределенность была связана не только с риском болезни, степень опасности которой было трудно оценить, а лечения от которой вовсе не существовало, но и со стремительно меняющимися режимами функционирования самых разных социальных институтов — медицинских, регуляторных, государственных, образовательных и т. п. В этих условиях авторам дневников, как и всем остальным людям, застигнутым пандемией, приходилось не только перестраивать свою жизнь в соответствии с новыми требованиями

и новыми рисками, но и заново решать вопрос о том, какие институты и индивидуумы заслуживают доверия в сфере организации своей повседневности и заботы о близких.

Для того чтобы лучше понять возникающие перед ними дилеммы, стоит обратиться к проблеме сложного генезиса доверия. Как показали в своих работах Р. Инглхарт [20], а также П. Пакстон и Дж. Гланвилл [29], доверие имеет под собой разные основания — в нем присутствует как моральный аспект (общие представления о том, что людям следует доверять), так и культурная трансмиссия, осуществляемая через воспитание и социализацию (кому именно следует доверять), а также личный опыт (в каких ситуациях доверие возможно и рационально). Таким образом, определенные элементы доверия зависят не от личного опыта, но от культурных норм и ценностей данной культуры. Анализ эмпирического материала доказывает, что проблема доверия оказалась в ситуации эпидемии одной из ключевых, поскольку среди многочисленных вызовов, с которыми столкнулись люди в новом социальном контексте, самым главным оказалось обеспечение безопасности — своей и своих близких — в условиях плохо прогнозируемых рисков. Причем специфика этих рисков в том, что, во-первых, с ними оказалось сложно справиться на уровне индивидуальных стратегий, поскольку они зависят от поведения других людей и институтов, а во-вторых, эти стратегии пришлось разрабатывать в условиях очень высокого уровня неопределенности.

Данные

Для исследования этой темы я обратилась к материалам проекта Европейского университета в Санкт-Петербурге «Вирусные дневники: хроники повседневности» (руководитель — профессор Анна Темкина).

В проекте приняли участие 34 человека из 10 стран, большинство из которых на момент пандемии жили в разных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Самара), остальные временно или постоянно проживали в других странах (Австралия, Азербайджан, Армения, Германия, Грузия, США, Франция, Финляндия, Швеция). Особенность эмпирической базы в том, что это «дневники профессионалов», поскольку все авторы дневников — эксперты в социальных науках: социологи, философы, филологи, антропологи, политологи, историки, востоковеды. Таким образом, была собрана коллекция насыщенных текстов, представляющих собой по жанру нечто среднее между личным дневником и исследовательской рефлексивной автоэтнографией. Важно отметить, что дневники велись в свободной форме, без строгих правил и специального фокусирования, в два этапа: с 25 марта по 10 июня 2020 г. (первая волна), а затем, в более сжатом временном режиме, с 20 по 30 сентября 2020 г. (вторая волна). Дневники как эмпирический материал оказались очень хорошей базой

для изучения механизмов формирования и трансформации отношений (не)доверия и сопутствующих им эмоций — в них минимальны внешние влияния исследователей, гораздо больше, чем в интервью, рефлексии и интерпретаций. Дневники обладают особой темпоральностью, которая обеспечивает читателя множеством деталей, делает фиксируемые события более рельефными, позволяет увидеть, какие аспекты социальной реальности воспроизводятся, являются для автора значимыми, а не случайными [10]. Можно сказать, что именно дневники обеспечивают идеальную оптику для пересборки повседневности в условиях самоизоляции и пандемии.

В результате в распоряжении исследовательского коллектива оказался довольно большой массив текстовой информации, в котором, однако, разные авторы были представлены неравномерно: часть участников вели очень подробные дневниковые записи, описывая происходящие события и свои ощущения буквально по часам, часть — записывали лишь отдельные, наиболее яркие факты и впечатления. В этой связи на данном этапе исследования я отказалась от системного сравнения уровней и особенностей (не)доверия в разных странах, поскольку большая часть авторов, написавших наиболее насыщенные тексты, все же проживали в России, а другие страны были представлены в выборке очень неравномерно, и информация о проживании в них опыта пандемии была недостаточно полной. Я не исключала их, однако, из анализа полностью, но использовала те фрагменты дневников, которые были напрямую посвящены интересующей меня теме, и те, где авторы сами соотносили свой опыт с российским контекстом.

В качестве метода анализа мной был выбран метод интерпретативной категоризации с последующей аналитической индукцией: из совокупного текста дневников выделялись фрагменты, в которых описывались ситуации, связанные с отношениями (не)доверия и рефлексией по этому поводу (каким актерам и какого рода информации можно доверять, на основании каких критериев и т. п.), которые затем интерпретировались и дополнялись насыщенным описанием [6, с. 93–94].

Результаты

Основным контекстом, в котором возникала тема доверия в исследуемом материале, оказался постоянный поиск безопасного (заслуживающего доверия) окружения и достоверной информации о тактиках безопасного поведения, позволяющего снизить риск заболеть. В потоке противоречивой и меняющейся информации постоянно вставал вопрос, какая стратегия безопасности «правильная» и более надежная. Наглядным примером такой противоречивости служила, в частности, дискуссия о медицинских масках — кому их

нужно носить, при каких обстоятельствах, насколько они защищают, могут ли повредить. Поскольку разные инстанции на первом этапе пандемии сообщали по этому поводу противоречивую информацию, естественным образом вставал вопрос, какие именно источники являются более надежными: нормативные (официальные) или исходящие из слухов и опыта. Из дневников видно, что ценностные представления авторов самым непосредственным образом влияли на то, как они выстраивают иерархии источников информации с точки зрения их надежности. Так, например, поскольку многие участники исследования ощущают себя представителями глобального академического сообщества, в качестве референтного источника часто назывались рекомендации ВОЗ и практически никогда — местные органы власти.

Напротив, различные карантинные инициативы, возникающие на локальном уровне, вызывали значительную настороженность — у российских участников исследования в особенности, но и те, кто встретил пандемию в западных странах, в большинстве отнеслись к ним с определенным скепсисом, подозревая в них политические мотивы и опасаясь некомпетентности регулирующих инстанций. ВОЗ, как подразделение ООН, в этом отношении воспринималась как структура, менее политически ангажированная и в то же время обладающая более высоким уровнем экспертизы (хотя рекомендации ВОЗ часто буквально совпадали с локальными инициативами).

При этом участники исследования отдавали себе отчет в том, что достаточно достоверной информации об оптимальных способах поведения и снижения рисков просто не существует. Анализ дневников показывает, что их авторы выбирали преимущественно те инструкции, которые были для них относительно комфортны и позволяли не отказываться от важных/приятных практик (некоторые, рефлексируя по поводу своего поведения, заявляли об этом прямо). Однако понимание произвольности этих решений оставалось и продуцировало фоновое чувство тревоги. В текстах можно наблюдать, как происходит постоянный поиск способов контроля и «поднастройки» культурного капитала по линии повышения эпидемиологических компетенций: авторы дневников прорабатывают множество различных источников (в том числе и медицинские научные статьи, например, опубликованные в *“The Lancet”*), содержащих информацию об особенностях нового вируса, его симптомах, способах профилактики, стараясь не полагаться ни на какие готовые инструкции, но создать свою собственную картину. Некоторые из них явно стремятся стать «сами себе экспертами и вирусологами» и тем самым снизить уровень недоверия и неопределенности.

В итоге каждый участник исследования создавал для себя многоуровневую систему (не)доверия, в которой свое место занимали межличностное общение, обсуждение проблем в группе (например, в локальных «чатиках», вообще в социальных сетях), знакомые врачи (заслуживающие на порядок больше доверия, чем «просто врачи»), друзья в западных странах, уже принявших на себя первые удары пандемии, отдельные организации (например, медицинские учреждения, комментирующие эпидемиологическую ситуацию, — «Коммунарка», 52-я больница в Москве и т. п.), государственные органы, международные институты. Постоянная работа по верификации и сопоставлению информации, исходящей из всех этих инстанций, помогала справляться с ситуацией неопределенности.

Ценностные аспекты, мотивирующие доверие, проявляются здесь очень ярко: с одной стороны, следование нормам «безопасного поведения» является этическим императивом, даже если оно не связано с непосредственной угрозой себе или близким. Участники исследования видят свой долг в том, чтобы надевать маски, избегать общественных мест и соблюдать правила ВОЗ (на которые они часто ссылаются), также как и, например, придерживаться правил раздельного сбора мусора, хотя для этого в условиях эпидемии приходится прикладывать дополнительные усилия. Такое поведение представляется связанным с глобальной моделью «ответственного гражданина», который никогда не будет подвергать других риску, даже гипотетическому, — и такая модель кажется немаловажной частью идентичности многих авторов дневников [9]. С другой стороны, конкретные меры, которые принимаются органами власти, вызывают недоверие и (привычное) чувство протеста, каждый придумывает свои правила и их обоснования, но в них не уверен. *«Масок не носит никто, и это радует... Вообще сейчас радует любое неподчинение распоряжениям властей — хаотичным, непоследовательным и необоснованным»* (мужчина, 35 лет). Вообще, действия органов власти для авторов дневников представляются не источником уверенности (confidence), но, напротив, значительным источником напряжения — «мы» как академическое сообщество независимых интеллектуалов привыкли «им» не доверять и быть настроенными оппозиционно (*«Доверять правительству — это вообще какой-то авторитаризм»* (мужчина, 30 лет)), с другой стороны, карантин по определению требует ограничений и единой политики. Для многих участников проекта возникла дилемма — «правильно ли быть законопослушным»? В то же время соблюдение мер предосторожности воспринимается не просто как гражданский долг, но и как признак «цивилизованного поведения», в том смысле, какой вкладывал в это понятие Элиас [14]. И многие

ему следовали, хотя каждый раз в своих границах и со своими отклонениями.

В целом анализ материала показывает, что доверие и недоверие вписываются в привычные идеологические и политические фреймы, а не меняют их. Но в то же время хорошо видно, что у многих скептиков по мере нарастания первой волны эпидемии стремительно нарастает чувство тревоги и меняются стратегии поведения в сторону большей осторожности и соблюдения карантинных правил.

Таким образом, доверие, хотя и связано с предыдущим опытом взаимодействия с различными акторами и инстанциями, на основании которого определяется их надежность — *trustworthiness* (и участники проекта ссылаются на этот опыт), оказывается всегда контекстуальным. И в контексте эпидемии каждый из авторов дневников находится в пределах своих «кругов доверия», важнейшими определяющими критериями которых являются, с одной стороны, компетентность, с другой — воображаемая надежность, базирующаяся как на репутации, так и на личной близости к источнику информации или взаимодействия, — люди из ближних кругов представляются более заслуживающими доверия. Интересно, что прослеживаются определенные поколенческие различия: авторы отмечают, что в их окружении люди старшего поколения более склонны к своего рода «ковид-диссидентству», поскольку уровень доверия к источникам официальной экспертизы у них ниже, чем у молодежи: *«Медики все медиализируют»* (женщина, 66 лет).

Доверие врачам как экспертам в сложившейся ситуации фиксируется достаточно низкое — авторы дневников описывают ситуации, когда они опасаются вызывать врачей к болеющим (не ковидом) членам семьи — боятся инфекции и что *«будет только хуже»*. Такая стратегия связана с предыдущим опытом взаимодействия с медицинскими организациями, и можно отметить, что эпидемия, хотя создает именно медицинские уязвимости, не улучшает ситуацию с доверием медработникам, но, напротив, заметно усиливает имеющийся скепсис. Недостаток доверия создает реальные проблемы в организации жизни: как выразилась одна из авторов дневников, *«неясны алгоритмы»* действия, особенно в гипотетической кризисной ситуации — что, например, делать, если кто-то заболевает — безопасно (и осмысленно) ли обращаться в поликлинику, звать врача на дом, делать КТ? Какими лечиться лекарствами? *«К врачам никто не ходит. Избегание институций — устойчивая стратегия и распространенная»* (женщина, 66 лет).

Можно также отметить изменение конфигураций доверия в самом ближнем кругу, среди членов семьи, когда мнения разных индивидов о допустимых уровнях риска расходятся. Близким доверяют больше, но происходит перераспределение ответственности, и колеблется до-

верие даже самым близким людям в аспекте протоколов безопасности. Доверие необходимо при совершении множества рутинных повседневных действий. В результате эпидемии происходит множество поломок на этом уровне, из которых следует переустановка правил, иногда сопровождающаяся конфликтами: *«Теща послала тестя в магазин. Тот пошел в строительный и купил каких-то строительных перчаток и масок. Теща его отругала за невнимательность и несерьезность»* (мужчина, 30 лет). Когда рушится доверие «по умолчанию», необходимы переговоры, и они постоянно происходят. На этом уровне доверие предполагает зависимость или созависимость, что делает переговоры особенно эмоционально сложными. Часто формулируются разнонаправленные рациональности (посетить старших родственников или не подвергать их риску, позволить ли измученному карантинном ребенку встретиться с друзьями), в итоге находятся компромиссы, сопровождаемые, однако, постоянным чувством вины. В таких ситуациях происходит своего рода конфликт между моралистическим аспектом доверия («я должен доверять близким людям») и инструментальным («я должен быть осторожным и доверять только людям, соответствующим моим представлениям о безопасном поведении»), о возможности которого упоминает Роббинс [31, р. 980]. Близкие и друзья как бы заново оцениваются в новом контексте с точки зрения того, насколько они заслуживают доверия как сознательные акторы карантинного режима, возникают новые критерии доверия: *«Пока нет необходимости принимать решения, но уже не хожу и не приглашаю [в гости]. Думаю об этом. Можно ли кому-то доверять? Соблюдают ли они правила безопасности? Подруга упрямо ходит в бассейн и хочет приехать. Как прилично отказать?.. Каждый контакт приходится обдумывать, взвешивать личность собеседника на возможность заражения. Это нелепо, и я понимаю это»* (женщина, 66 лет).

По сути, агенты коммуникации как будто должны выдержать новый экзамен, доказав, что они достойны доверия своих близких и друзей в отношении продуманного и ответственного поведения в условиях эпидемии. Сами авторы дневников тоже чувствуют себя «экзаменуемыми». Так, 30-летний мужчина чувствует, что его родители и родители его супруги сомневаются в его *«взрослости и самостоятельности»* в контексте новых вызовов, а поскольку это *«важные для него категории»*, он старается демонстрировать, что ведет себя осторожно (а это, в свою очередь, заставляет его скрывать от них легкую простуду и сдерживать кашель — отчасти чтобы не напугать, отчасти чтобы не разочаровывать в себе как в ответственном человеке, который заслуживает доверия и признания его «взрослости»). Впрочем, такого рода запросы приходится выполнять далеко не только младшим по отношению к старшим — ситуация «экзаменования» может относиться к кому угодно, но даже более часто — к старшим

членам семьи, «группе риска». За «неоправдание доверия» могут следовать санкции. Один из авторов дневников приводит пример своего знакомого: *«Д. живет один; его girl-friend, примерно ровесница, перевела их общение в онлайн после того, как Д. опрометчиво сходил на офлайн-встречу психологической группы»* (мужчина, 41 год). Часто критерием доверия служит близкий участникам исследования, узнаваемый габитус, но и он нередко подводит. Так, одна из информанток описывает прием гостей, которые изначально оценивались как «надежные», но потом полностью провалили свой «экзамен» и доверия не оправдали: *«...муж выражал уверенность, что эта семья уж точно серьезно относится к эпидемии. Думаю, потому, что они заботятся о здоровье, правильно питаются, занимаются спортом. Так вот, пришли они без масок и перчаток!»* (женщина, 40 лет).

Надо отметить также следующее обстоятельство — в рамках данного корпуса дневниковых текстов не удалось обнаружить прямую зависимость между восприятием пандемии и формированием новых повседневных практик, с одной стороны, и возрастом (принадлежностью к разным поколениям) авторов дневников — с другой. Хотя можно было бы ожидать, что у более молодых участников исследования (25–35 лет) уровень тревожности в связи с угрозой заразиться будет несколько меньше, на практике тексты их дневников совсем не дают оснований для таких выводов. Напротив, можно отметить, что их уровень недоверия к различным инстанциям, особенно официальным институциям, несколько ниже, а принимаемые профилактические меры даже строже. Можно предположить, что опыт постсоветской социализации создает еще более слабые «опоры доверия», которые помогали бы ориентироваться в непредсказуемом мире, как писал об этом Луман [22].

Помимо собственно соображений безопасности, возникает новая дилемма — как обращаться с «несоблюдающими», как не обидеть их, показав, что они «утратили доверие», найти баланс между желанием сберечься и неловкостью, избежать поломки еще и правил вежливого поведения? Эта дилемма переживается авторами дневников довольно болезненно, многие из них сами себя одергивают и постоянно иронизируют над собой (*«Вот я псих...»* — женщина, 29 лет). Дополнительную сложность ситуации придает то обстоятельство, что собственно опасности эпидемии наглядно видны только врачам и/или людям, находящимся с ними в контакте, и тем, у кого заболел кто-то из близких либо он сам. Таких людей в начале эпидемии еще не так много, что создает заметный разрыв между информационными потоками и повседневным опытом (*«Если не открывать интернет, то и коронавируса нет... Кто раскупил маски, если их никто не носит?»* — мужчина, 23 года). При таких обстоятельствах особенно сложно решить, каким источникам можно доверять, поскольку на собственные знания опереться

не получается. В то же время доверие между солидарными агентами значительно повышает эффективность их взаимодействия, в том числе и при налаживании карантинного быта и новых протоколов гигиенической безопасности.

Значительный интерес в этом контексте представляет вопрос о ковид-диссидентстве. Хотя среди авторов дневников явных ковид-диссидентов не было, многие из них отмечают, что им приходилось с таковыми общаться и иногда спорить, и фиксируют их аргументы. Поскольку в роли информантов в данном случае выступают профессиональные исследователи, умеющие обращаться с информацией, эти сведения об их окружении представляют ценность и значительный интерес. Судя по характеру аргументов, важным условием доверия в этой ситуации, как, вероятно, и в других, является вписанность «правил доверия» в ранее сложившуюся общую картину мира, которой индивидуумы дорожат не меньше, чем привычным габитусом. Более того, даже небольшая корректировка этой картины обычно воспринимается очень болезненно. Особенно наглядно это было видно в отношении верующих людей к религиозным практикам, которые, по их представлениям, просто по определению не могли быть источником инфекции (несмотря на предостерегающие выступления высокопоставленных клириков и медийные сообщения о заражениях и смертях священников). Но и менее индоктринизированные люди проявляли упорное стремление согласовывать информацию об эпидемии со своими «верованиями» (beliefs). И поскольку в эти верования входит значительный уровень недоверия к любым официальным институтам (в особенности характерный для России, но присутствующий в том или ином объеме во всех затронутых странах), любая новая информация воспринимается как манипуляция, предпринимаемая с какими-то меркантильными целями. Ответом на эту манипуляцию часто является варьирующийся набор конспирологических теорий: *«Знакомый сказал, что когда тот, кто это все затеял, получит, что он хочет, то все успокоится. Я спросила: “Ты про коронавирус? Это кто-то затеял?” — “А как по-твоему? Случайность?!”»* (женщина, 58 лет). *«Также она (знакомая информантки. — И. Т.) отметила, что у всех титлованных, которые попали в больницу, тесты были положительные. В отличие от того, что известно нам про наших знакомых. Вопрос — не другие ли у них тесты, чем те, что дают в народ?.. Ясно, что система тестирования и публичные данные говорят ни о чем. Совсем ни о чем»* (женщина, 66 лет).

Другим основанием для коронадиссидентства служит перенастройка морального фокуса, плохо представляемая в «мирное время», — упоминаемые в дневниках коронадиссиденты часто комментируют статистику в том ключе, что «умирают только старики и уже тяжелобольные люди» — то есть те, кому и «положено умирать»,

какие-то посторонние группы риска, к которым они себя не относят. Такая работа с информацией, очевидно, помогает подавить чувство тревоги, но эта утешительная операция с удивительным хладнокровием обесценивает чужие жизни — представим себе, например, что речь идет о теракте, жертвами которого стали бы только обитатели дома престарелых. Можно ли представить себе в такой ситуации публичное обсуждение инцидента в том духе, что, поскольку погибли только старики, ничего страшного, собственно, и не произошло, и не стоит оцеплять район теракта и причинять людям неудобства? Однако контекст эпидемии как будто делает такого рода подсчеты и рассуждения не только «естественными», но и приемлемыми. *«Ни о какой солидарности и ответственности речи не идет»* (мужчина, 30 лет).

Выводы

Таким образом, эпидемия не только «фреймирует» организацию повседневной жизни, работу, коммуникацию и семейные отношения. Анализ дневниковых данных показывает, что она создает измененную экзистенциальную ситуацию с новыми режимами базовой онтологической опасности/безопасности. Как отмечал Э. Гидденс, в условиях недостаточной информированности потребность в доверии как в одном из оснований для солидарности существенно возрастает [18, р. 33]. Участники исследования демонстрируют стремление справиться с дефицитом доверия по отношению к официальным источникам информации (таким как статистика заболеваемости и смертности и т. п.) за счет создания и постоянной верификации своих собственных сетей доверия, позволяющих совладать с новыми вызовами и переосмыслить свои моральные эмоции.

В целом можно констатировать, что эпидемия чрезвычайно обострила проблему дефицита доверия. Авторы дневников как исследователи отмечают, что в окружающем их социальном мире преобладают «комфортные» формы доверия, которые создают некоторую иллюзию защищенности. Люди склонны доверять тому и тем, кто помогает поддерживать их идентичность и избавляет от страха, а также своим привычным «проверенным» источникам. Но многие из них чувствуют ненадежность этих «подпорок» доверия в новой непредсказуемой ситуации, и это создает устойчивый депрессивный фон: *«Непонятно, что именно так давит. То ли сама изоляция, то ли неопределенность»* (женщина, 28 лет).

При этом картину существенно усложняет появление новых акторов и институтов (различные центры информирования о ковиде, врачи-спикеры, специализирующиеся по ковиду блогеры, эпидемиологические инстанции), по поводу каждого из которых надо принять решение, насколько они заслуживают доверия. Таким образом, инди-

виды, которым нужно ориентироваться в ситуации и минимизировать свои риски, постоянно участвуют в своего рода квесте, в поиске заслуживающих доверия источников и инстанций, сопоставляя исходящую от них (часто противоречивую) информацию: *«Вообще, все эти информационные элементы — новости, сюжеты, мемы, — они сильно бередают, беспокоят, тревожат, влияют на, в ином случае, нормально-спокойное состояние»* (мужчина, 30 лет). Для таких новых институтов и акторов привычные логики доверия часто не работают, потому что неизвестна их репутация (как, например, решить, какой из интернет-магазинов заслуживает доверия в смысле надежности, качества товаров, соблюдения гигиенических норм?). Это означает, что у людей возникает дополнительная нагрузка по оценке и сортировке информации на заслуживающую и не заслуживающую доверия, с которой приходится справляться в условиях дефицита сил и времени.

Как показывает анализ эмпирических материалов, ситуация эпидемии и связанных с ней вызовов нередко меняет конфигурацию привычных отношений доверия даже в ближнем окружении: переоценку надежности партнера в нетипичной ситуации, и решение о доверии в данной ситуации будет снова сопряжено с риском, что ожидания могут не оправдаться.

При этом исследование позволяет зафиксировать явный дефицит надличностного «институционального доверия», предполагающего существование структур, которые обеспечивают успешное взаимодействие и благополучный выход из проблемных ситуаций [40]. Ключевыми структурами такого рода обычно являются государственные органы, гарантирующие, помимо прочего, что обман доверия, приводящий к причинению вреда, не останется безнаказанным, причем для создания такого рода доверия государство, по идее, должно выступать именно как целостная метаструктура, гарантирующая достойное доверия функционирование отдельных своих частей. Однако в реальности происходит нечто противоположное — принадлежность к этой метаструктуре скорее дает основание для сомнений в том, что данный институт окажется эффективным и не причинит вреда. При этом базовое институциональное доверие чрезвычайно важно для выстраивания любых индивидуальных стратегий, и его отсутствие существенно усугубляет чувства растерянности и неуверенности во всех аспектах социальной жизни, на которые сетуют участники исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Д. Доверие и недоверие в России // Финанс. 15.10.2018 [Электронный ресурс]. Дата обращения 15.12.2020. URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/doverie-i-nedoverie-v-rossii-20181015-111223/>

2. *Алексеева А.* Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения // Социальная реальность. 2008. № 7. С. 28–42.
3. *Гудков Л.* Доверие институтам. Пресс-выпуск // Левада-Центр. 21.09.2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 10.12.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>
4. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013. — 382 с.
5. *Калюжнова Н.Я.* Экономика недоверия: роль социального капитала в России // Journal of institutional studies. 2012. Том 4. № 2. С. 74–82.
6. *Клюшкина-Савинская О.Б.* Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92–101.
7. *Рейтер С.* Финальная часть дневника // Meduza. 29.12.2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.12.2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/12/29/isytyvaya-na-sebe-rossiyskuyu-vaktsinu-ot-virusa-spetskor-meduzy-svetlana-reyter-ponyala-chto-poluchila-platsebo-i-vot-chto-ona-sdelala-posle-etogo>
8. *Салтанова С.* Доверие в маске: как коронавирус изменил отношение россиян друг к другу // Научно-образовательный портал IQ.HSE.Ru. 03.06.2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 03.02.2021. URL: <https://iq.hse.ru/news/370128879.html>
9. *Холявин А.О.* Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-19 // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 139–148. DOI:10.31857/S013216250010722-7
10. *Alaszewski A.* Using Diaries for Social Research. London: Sage, 2006. — 136 p. DOI: 10.4135/9780857020215
11. *Barbalet J.* The Experience of Trust: Its Content and Basis // Trust in Contemporary Society / Ed. by M. Sasaki. Leiden: Brill, 2019. P. 11–30. DOI: 10.1163/9789004390430_003
12. *Barber B.* The Logic and Limits of Trust. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1983. — vii + 190 p.
13. *Bromiley P., Cummings L.L.* Transaction costs in organisations with trust // Research on negotiation in organizations. Brenwich, CT: JAI Press, 1995. P. 219–247.
14. *Elias N.* The Civilizing Process: The History of Manners. New York: Urizen Books, 1978. — 310 p.
15. *Esaïasson P., Sohlberg J., Ghersetti M., Johansson B.* How the coronavirus crisis affects citizen trust in institutions and in unknown others: Evidence from “the Swedish experiment” // European Journal of Political Research. 2020. DOI: 10.1111/1475-6765.12419
16. *Fukuyama F.* Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. Harmondsworth: Penguin Putnam, 1995. — 480 p.

17. *Gambetta D.* Can We Trust Trust? // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / Ed. by D. Gambetta. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 213–237. DOI: 10.2307/2234217
18. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Oxford: Polity, 1990. — 186 p.
19. *Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510. DOI: 10.1086/228311
20. *Inglehart R.* The Renaissance of Political Culture // American Political Science Review. 1988. No. 82. P. 1203–1230. DOI: 10.2307/1961756
21. *Kye B., Hwang S.-J.* Social trust in the midst of pandemic crisis: Implications from COVID-19 of South Korea // Research in Social Stratification and Mobility. 2020. Vol. 68. DOI: 10.1016/j.rssm.2020.100523
22. *Luhmann N.* Trust // Trust and Power / Ed. by N. Luhmann. Chichester: Wiley, 1979. P. 1–103.
23. *Luhmann N.* Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / Ed. by D. Gambetta. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 94–107.
24. *Mayer R.C., Davis J.H., Schoorman F.D.* An integrative model of organizational trust // Academy of Management Review. 1995. No. 20. P. 709–734. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080335
25. *McPherson M., Smith-Lovin L., Brashears M.E.* Social Isolation in America // American Sociological Review. 2006. Vol. 71. No. 3. P. 353–375. DOI: 10.1177/000312240607100301
26. *McKnight D.H., Chervany N.L.* What is Trust? A Conceptual Analysis and an Interdisciplinary Model // AMCIS Proceedings, 2000 [online]. Accessed 14.11.2020. URL: <https://aisel.aisnet.org/amcis2000/382/>
27. *Misztal B.A.* Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order. Cambridge, UK: Polity Press, 1996. — 304 p.
28. *Möllering G.* The Nature of Trust: From Georg Simmel to a Theory of Expectation, Interpretation and Suspension // Sociology. 2001. Vol. 35. No. 2. P. 403–420. DOI: 10.1017/s0038038501000190
29. *Paxton P., Glanville J.* Is Trust Rigid or Malleable? A Laboratory Experiment // Social Psychology Quarterly. 2015. No. 78. P. 194–204. DOI: 10.1177/0190272515582177
30. *Ring P.S., Van de Ven A.H.* Developmental Processes of Cooperative Interorganizational Relationships // The Academy of Management Review. 1994. No. 19. P. 90–118. DOI: 10.5465/amr.1994.9410122009
31. *Robbins B.* What is Trust? A Multidisciplinary Review, Critique, and Synthesis // Sociology Compass. 2016. Vol. 10. No. 10. P. 972–986. DOI: 10.1111/soc4.12391
32. *Rotter J.B.* A New Scale for the Measurement of Interpersonal Trust // Journal of Personality. 1967. Vol. 35. No. 4. P. 651–665.
33. *Russell H.* Trust and Trustworthiness. New York, NY: Russell Sage Foundation, 2002. — 256 p.

34. *Schraff D.* Political trust during the Covid-19 pandemic: Rally around the flag or lockdown effects? // *European Journal of Political Research*. 2020. DOI: 10.1111/1475-6765.12425
35. *Shapiro S.* The Grammar of Trust // *New Perspectives on Emotions and Finance* / Ed. by J. Pixley. London: Routledge, 2012. P. 99–118.
36. *Shapiro S.* The Social Control of Impersonal Trust // *American Journal of Sociology*. 1987. Vol. 9. No. 3. P. 623–658.
37. *Sztompka P.* Trust: A Sociological Theory. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. — xii + 214 p.
38. *Taylor R.G.* The role of trust in labor-management relations // *Organization Development Journal*. 1989. Vol. 7. P. 85–89.
39. *Vanhala M., Puumalainen K., Blomqvist K.* Impersonal trust: The development of the construct and the scale // *Personnel Review*. 2011. Vol. 40. P. 485–513. DOI: 10.1108/00483481111133354
40. *Zand D.E.* Trust and Managerial Problem Solving // *Administrative Science Quarterly*. 1972. Vol. 17. No. 2. P. 229–239. DOI: 10.2307/2393957
41. *Zucker L.G.* Production of trust: Institutional sources of economic structure, 1840–1920 // *Research in Organizational Behavior*. 1986. No. 8. P. 53–111.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тартаковская Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 128-86-18. **Электронная почта:** I_Tartakovskaya@yahoo.com

Дата поступления: 18.02.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. NO. 2. P. 68–89. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087

IRINA N. TARTAKOVSKAYA¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, building 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

TRUST IN THE FACE OF A PANDEMIC: IN SEARCH OF COMMON GROUND

Abstract. This article examines the impact of the new coronavirus pandemic on interpersonal trust relationships, as well as trust in government institutions and official sources of information. The empirical base for the study is comprised of “diaries of professionals” — 34 diaries which were kept by social science experts from March 25 to June 10 2020 (“first wave”), and then from the 20th to the 30th of September 2020 (“second wave”) — belonging to sociologists, philosophers, philologists, anthropologists, political scientists, historians, orientalists. Thus, a collection of thick descriptions was collected, representing a mix between a personal diary and research reflective autoethnography. Based on the review of the scientific discussion on the problem of trust, a significant conclusion is made about the contradictions between “trust” itself, which implies the possibility of choice and pertains mainly to interpersonal relations, and ‘confidence’ in social and state institutions, which implies much less agency of the subject of trust. It is concluded that the epidemic has greatly exacerbated the problem of lack of trust,

noted in the context of the spread of “post-truth” and “fake news” at a global level, but especially noticeable in Russia, where this deficit significantly undermines the very possibility of basic solidarity. The authors of the diaries, as researchers, note that “comfortable” forms of a trust prevail in their social milieu, which creates some uncertain illusion of security. People tend to trust those who help maintain their identity and relieve fear, as well as their familiar “trusted” sources. However, many of them sense the diminished reliability of these “pillars of trust” in a new unpredictable situation.

Keywords: trust; pandemic; confidence; responsibility; diaries; solidarity; risks; ontological security.

For citation: Tartakovskaya, I.N. Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 68–89. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087

REFERENCES

1. Avdeeva D. Trust and distrust in Russia. *Finam*. 15.10.2018. Accessed 15.12.2020. URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/doverie-i-nedoverie-v-rossii-20181015-111223/> (In Russ.)
2. Alekseeva A. Confidence, generalized trust and interpersonal trust: criteria for distinguishing. *Sotsial'naya real'nost'*. 2008. No. 7. P. 28–42. (In Russ.)
3. Gudkov L. Trust in institutions. Press release. *Levada-Centr*. 21.09.2020. Accessed 10.12.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (In Russ.)
4. *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva*. [Trust and distrust in the context of the development of civil society.] Ed. by A.B. Kupreichenko, I.V. Mersiyanova. Moscow: Izd-vo NIU VShJe publ., 2013. 382 p. (In Russ.)
5. Kaljuzhnova N.Ja. The Economy of Mistrust: The Role of Social Capital in Russia. *Journal of institutional studies*. 2012. Vol. 4. No. 2. P. 74–82. (In Russ.)
6. Kljushkina-Savinskaja O.B. Building a theory based on qualitative data (from the history of the development of the methodological direction). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2000. No. 10. P. 92–101. (In Russ.)
7. Reiter S. The final part of the diary. *Meduza*. 29.12.2020. Accessed 30.12.2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/12/29/ispytyvaya-na-sebe-rossiyskuyu-vaktsinu-ot-virusa-spetskor-meduzy-svetlana-reyter-ponyala-chto-poluchila-platsebo-i-vot-chto-ona-sdelala-posle-etogo> (In Russ.)
8. Saltanova S. Masked trust: how the coronavirus changed the attitude of Russians towards each other. *IQ.HSE.Ru*. 03.06.2020. Accessed 03.02.2021. URL: <https://iq.hse.ru/news/370128879.html> (In Russ.)
9. Holavin A.O. Social inaction at early stages of the covid-19 pandemics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 11. P. 139–148. DOI:10.31857/S013216250010722-7 (In Russ.)
10. Alaszewski A. *Using Diaries for Social Research*. L.: Sage, 2006. 136 p. DOI: 10.4135/9780857020215
11. Barbalet J. The Experience of Trust: Its Content and Basis. *Trust in Contemporary Society*. Ed. by M. Sasaki. Leiden: Brill, 2019. P. 11–30. DOI: 10.1163/9789004390430_003
12. Barber B. *The Logic and Limits of Trust*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1983. vii + 190 p.
13. Bromiley P., Cummings L.L. Transaction costs in organisations with trust. *Research on negotiation in organizations*. Brenwich, CT: JAI Press, 1995. P. 219–247.
14. Elias N. *The Civilizing Process: The History of Manners*. N.Y.: Urizen Books, 1978. 310 p.
15. Esaiasson P., Sohlberg J., Ghersetti M., Johansson B. How the coronavirus crisis affects citizen trust in institutions and in unknown others: Evidence from “the Swedish experiment”. *European Journal of Political Research*. 2020. DOI: 10.1111/1475-6765.12419

16. Fukuyama F. *Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Harmondsworth: Penguin Putnam, 1995. 480 p.
17. Gambetta D. Can We Trust Trust? *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Ed. by D. Gambetta. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 213–237. DOI: 10.2307/2234217
18. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Oxford: Polity, 1990. 186 p.
19. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510. DOI: 10.1086/228311
20. Inglehart R. The Renaissance of Political Culture. *American Political Science Review*. 1988. No. 82. P. 1203–1230. DOI: 10.2307/1961756
21. Kye B., Hwang S.-J. Social trust in the midst of pandemic crisis: Implications from COVID-19 of South Korea. *Research in Social Stratification and Mobility*. 2020. Vol. 68. DOI: 10.1016/j.rssm.2020.100523
22. Luhmann N. *Trust. Trust and Power*. Ed. by N. Luhmann. Chichester: Wiley, 1979. P. 1–103.
23. Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Ed. by D. Gambetta. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 94–107.
24. Mayer R.C., Davis J.H., Schoorman F.D. An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*. 1995. No. 20. P. 709–734. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080335
25. McPherson M., Smith-Lovin L., Brashears M.E. Social Isolation in America. *American Sociological Review*. 2006. Vol. 71. No. 3. P. 353–375. DOI: 10.1177/000312240607100301
26. McKnight D.H., Chervany N.L. What is Trust? A Conceptual Analysis and an Interdisciplinary Model. *AMCIS Proceedings, 2000*. Accessed 14.11.2020. URL: <https://aisel.aisnet.org/amcis2000/382/>
27. Misztal B.A. *Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order*. Cambridge, UK: Polity Press, 1996. 304 p.
28. Möllering G. The Nature of Trust: From Georg Simmel to a Theory of Expectation, Interpretation and Suspension. *Sociology*. 2001. Vol. 35. No. 2. P. 403–420. DOI: 10.1017/s0038038501000190
29. Paxton P., Glanville J. Is Trust Rigid or Malleable? A Laboratory Experiment. *Social Psychology Quarterly*. 2015. No. 78. P. 194–204. DOI: 10.1177/0190272515582177
30. Ring P.S., Van de Ven A.H. Developmental Processes of Cooperative Interorganizational Relationships. *The Academy of Management Review*. 1994. No. 19. P. 90–118. DOI: 10.5465/amr.1994.9410122009
31. Robbins B. What is Trust? A Multidisciplinary Review, Critique, and Synthesis. *Sociology Compass*. 2016. Vol. 10. No. 10. P. 972–986. DOI: 10.1111/soc4.12391
32. Rotter J.B. A New Scale for the Measurement of Interpersonal Trust. *Journal of Personality*. 1967. Vol. 35. No. 4. P. 651–665.
33. Russell H. *Trust and Trustworthiness*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2002. 256 p.
34. Schraff D. Political trust during the Covid-19 pandemic: Rally around the flag or lockdown effects? *European Journal of Political Research*. 2020. DOI: 10.1111/1475-6765.12425
35. Shapiro S. The Grammar of Trust. *New Perspectives on Emotions and Finance*. Ed. by J. Pixley. L.: Routledge, 2012. P. 99–118.
36. Shapiro S. The Social Control of Impersonal Trust. *American Journal of Sociology*. 1987. Vol. 9. No. 3. P. 623–658.
37. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. xii + 214 p.

38. Taylor R.G. The role of trust in labor-management relations. *Organization Development Journal*. 1989. Vol. 7. P. 85–89.
39. Vanhala M., Puumalainen K., Blomqvist K. Impersonal trust: The development of the construct and the scale. *Personnel Review*. 2011. Vol. 40. P. 485–513. DOI: 10.1108/004834811111133354
40. Zand D.E. Trust and Managerial Problem Solving. *Administrative Science Quarterly*. 1972. Vol. 17. No. 2. P. 229–239. DOI: 10.2307/2393957
41. Zucker L.G. Production of trust: Institutional sources of economic structure, 1840–1920. *Research in Organizational Behavior*. 1986. No. 8. P. 53–111.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Tartakovskaya — Candidate of Sociological Sciences,
Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS.
Phone: +7 (499) 128-86-18. **Email:** I_Tartakovskaya@yahoo.com

Received: 18.02.2021.
